

На правах рукописи

Хоменко Мария Владимировна

**РАССКАЗ О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ:
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Омск – 2024

Работа выполнена на кафедре русского языка, литературы и документных коммуникаций ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный руководитель:

Рогожникова Татьяна Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Официальные оппоненты:

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»;

Трофимова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и литературоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Ведущая организация:

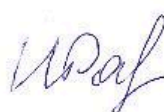
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (ХГУ им. Н.Ф. Катанова).

Защита состоится 25.12.2024 года в 13:00 (время омское) на заседании диссертационного совета 24.2.351.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», по адресу: 644077 г. Омск, пр. Мира, д. 55, корпус 2, ауд. 201.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» www.omsu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Ромашова И. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

С жанрами церковно-религиозного стиля связан научный интерес многих современных исследователей [Гречаная 2016; Звездин 2012; Изотов 2018; Ицкович 2023; Мишланов 2014; Смолина 2021 и др.], обусловленный как экстралингвистическими причинами, в частности укреплением позиций церкви в вопросах влияния на общественную жизнь и взаимодействия с разными социальными группами российского общества, так и проблемой недостаточной изученности языкового материала означенного лингвистического поля в синхронии и диахронии. Одной из актуальных проблем отечественной лингвистики является обращение к речевым жанрам с учетом их исторической ретроспективы [Кожина 1999]. Следует отметить доминирование в этом направлении работ, посвященных разнообразным жанрам деловой письменности, в то время как диахроническое рассмотрение генезиса и динамики религиозных жанров, выявление их жанрообразующих признаков представлено немногочисленными трудами [Грекова 2014; Ицкович 2016-а].

К наиболее востребованным и авторитетным жанрам средневековой православной книжности по праву относится житие, представляющее собой описание мирской и духовной жизни святого подвижника. При этом древнерусская литература характеризуется особым свойством, которое Д. С. Лихачев определил как «анфиладность» – способность крупных («ансамблевых») жанров включать в себя менее объемные жанровые формы [Лихачев 1966]. В связи с этим для формирования более полного представления о средневековой жанровой системе представляется важным исследовать, во-первых, малоизученные жанры; во-вторых, жанровые формы, входящие в состав других жанров, в частности в состав жития. Обоим этим условиям удовлетворяет рассказ о прижизненном чуде.

Настоящее исследование выполнено в русле диахронического лингвистического жанроведения и посвящено выявлению жанровой специфики рассказа о прижизненном чуде в составе жития.

Актуальность исследования обусловлена значимостью развития исторического жанроведения в лингвистической русистике, в частности – обращения к ранее не изученным жанровым формам в составе авторитетных образцов русской агиографии; релевантностью комплексного жанрово-стилистического и коммуникативно-прагматического подхода к исследованию религиозных жанров, в рамках которого осуществляется лингвистическое моделирование речевых жанров в совокупности их экстралингвистической детерминированности и лингвостилистических особенностей.

Объектом исследования выступает рассказ о прижизненном чуде в составе русской агиографии как особая жанровая единица, функционирующая в рамках объединяющего жанра.

Предмет исследования – текстовые, тематические, коммуникативно-прагматические, структурно-семантические и лингвостилистические признаки агиографического рассказа о прижизненном чуде, обеспечивающие его жанровую специфику и в своей совокупности формирующие модель исследуемого жанра.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном моделировании рассказа о прижизненном чуде на основе жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков в его образцовом виде, представленном в житиях преподобных святых, а также в выявлении динамики исследуемой жанровой формы в более поздней агиографии.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

1) осуществить обзор и систематизацию научных работ по теме исследования, сформировать теоретико-методологическую базу для изучения рассказа о прижизненном чуде в связи с жанрово-стилистическим и коммуникативно-прагматическим подходом к анализу;

2) рассмотреть исследования по феноменологии чудесного в различных сферах гуманитарной науки для определения сущностных признаков феномена чуда;

3) выработать и обосновать методику жанрового анализа рассказа о прижизненном чуде с учетом базовых для агиографии и специфических для исследуемой жанровой формы признаков;

4) классифицировать рассказы о прижизненных чудесах по тематическому, коммуникативно-прагматическому основанию;

5) проанализировать структурно-семантические признаки рассматриваемой жанровой единицы, определить типовые структурно-композиционные схемы жанра;

6) рассмотреть языковую и стилистическую специфику рассказа о прижизненном чуде;

7) сопоставить рассказы о прижизненных чудесах в составе преподобнических житий XII–XV вв. и в составе житий, написанных и изданных в более позднее время, выявить и охарактеризовать особенности динамики жанровой формы исходя из образцовой жанровой модели;

8) обобщить полученные результаты в представлении жанровой модели рассказа о прижизненном чуде на основании совокупности его жанрообразующих параметров, охарактеризовать его функцию в составе жанра жития.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды, выполненные в следующих научных направлениях:

– история русского литературного языка, древнерусской литературы, русской агиографии (В. П. Адрианова-Перетц, Б. И. Берман, В. В. Виноградов, И. В. Грекова, Л. А. Дмитриев, И. П. Еремин, В. М. Живов, Т. В. Ицкович, М. Д. Каган-Тарковская, А. П. Кадлубовский, Б. М. Клосс, В. О. Ключевский, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, И. С. Некрасов, Е. А. Панова, М. Вас. Пименова, Т. П. Рогожникова, В. В. Смирнова, И. В. Стародумов, В. Н. Топоров, Г. П. Федотов, А. А. Шахматов, И. Яхонтов);

– теория жанра (Т. В. Анисимова, М. М. Бахтин, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, М. Н. Кожина, О. Н. Копытов, Д. С. Лихачев, Н. В. Орлова, О. В. Трофимова, И. В. Шерстяных, Т. В. Шмелева), в том числе субжанра (В. В. Дементьев, Т. В. Ицкович, Ф. Л. Косицкая);

– исследования в области религиозного дискурса (Е. Ю. Балашова, Е. В. Бобырева, И. В. Бугаева, А. К. Гадомский, Т. В. Ицкович, Ю. В. Коренева);

– исследования в области философии языка (С. С. Аверинцев, В. В. Колесов, А. Ф. Лосев, И. В. Рынковой, С. П. Щавелев);

– коммуникативно-прагматические и жанрово-стилистические изыскания (Н. С. Болотнова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Г. Г. Матвеева, И. В. Пекарская, М. Вас. Пименова).

В диссертационной работе применяются **общенаучные методы** сбора, описания, сопоставления, классификации, анализа, количественных подсчетов тех или иных языковых единиц, текстовых фрагментов, тематической классификации изучаемых единиц; **специальные методы**, учитывающие специфику объекта, предмета и конкретных задач исследования: метод лингвистического моделирования с использованием частных методов – коммуникативно-прагматического анализа (при выявлении и описании параметров жанровой специфики и описании материала на основе этих параметров); структурно-семантического анализа текста (при выявлении значимых содержательных фрагментов в композиции рассказа о прижизненном чуде и типовых структурных схем жанра); лингвостилистического анализа (при характеристике жанрообразующих языковых средств и приемов их употребления).

Специфика исторического материала определила необходимость выработки оригинальной методики анализа и моделирования жанра по семи коммуникативно-прагматическим параметрам, позволившей выявить и описать жанровую специфику рассказов о прижизненном чуде в составе русской агиографии и представить типовые модели видо-тематических вариантов рассказов.

Материалом диссертационного исследования послужили фрагменты житий русских святых, повествующие о чудесных событиях, извлеченные в результате сплошной выборки из текстов житий разного авторства и периодов написания: 1) преподобнических житий святых (XII–XV вв.) Феодосия Печерского (Нестор, вопрос о датировке остается дискуссионным, в настоящей работе данный памятник отнесен к началу XII в.), Сергия Радонежского (написано Епифанием Премудрым на рубеже XIV–XV вв. и переработано Пахомием Сербом в середине XV в.), Кирилла Белозерского (Пахомий Серб, третья четверть XV в.); 2) преподобнических житий (XVI в.) святых Пафнутия Боровского (Вассиан Санин, первая четверть XVI в.), Александра Свирского (игумен Иродион (Кочнев), середина XVI в.); 3) житий Христа ради юродивых Михаила Клопского – в двух редакциях (так называемая «легендарная» редакция, последняя четверть XV в., и Тучковская редакция, вторая четверть XVI в.), Василия и Иоанна Блаженных (издание конца XIX в.), Ксении Петербургской (современное издание). В общей сложности осуществлен анализ 142 фрагментов в составе 10 текстов.

Источниками материала исследования стали тексты житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, а также Повесть о житии Михаила Клопского, «легендарная» редакция, подготовленные сотрудниками ИРЛИ РАН и опубликованные в сериальном издании «Библиотека литературы Древней Руси». Минейный вариант жития Михаила Клопского, переработанный В. М. Тучковым, приводится по изданию графа Григория Кушелева-Безбородко 1862 г.; житие Пафнутия Боровского – по рукописи

Института князя А. А. Безбородко, изданной А. П. Кадлубовским; житие Александра Свирского – по рукописи РНБ, Погод. 874, XVI в.; жития Василия и Иоанна Блаженных – по изданию типографии А. И. Манухина 1867 г.; житие Ксении Петербургской – по изданию «Неугасимая лампада : Артос-Медиа», 2006 г. Полное библиографическое описание источников дано в разделе «Список литературы».

Гипотеза исследования. Рассказ о прижизненном чуде характеризуется типичными для него жанрообразующими признаками – тематическими, структурно-семантическими, стилистическими и коммуникативно-прагматическими, характеризующими его как особую жанровую форму, функционирующую в житиях в качестве субжанра, с одной стороны, подчиняющегося общим коммуникативным целеустановкам агиографического жанра – созданию образа святого и предписанию праведного образа жизни; с другой стороны, реализующего коммуникативную направленность рассказа о чуде на преодоление сомнений, укрепление мирян в вере. С течением времени в связи с преобразованиями лингвистического, социально-исторического и мировоззренческого характера рассказ о прижизненном чуде претерпевает изменение определенных жанровых признаков – от «мифологичности» повествования к его фактографичности.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Впервые осуществляется лингвистический анализ рассказов о прижизненном чуде в составе агиографического текста, определено значение преподобнической агиографии в формировании образца жанровой формы чудесного рассказа.

2. Впервые выработана и применена методика анализа средневековой жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде» на основе комплекса параметров с учетом их внутритекстовой специфики. Применение оригинальной методики позволило квалифицировать функциональную роль рассказа о чуде как субжанра в составе жанра жития.

3. Впервые проведен сопоставительный анализ житий одного лика святости разных периодов создания, а также разных ликов святости, позволивший выявить инвариантные и вариативные признаки субжанра и его конкретных воплощений.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в следующем: разработка методологии комплексного моделирования, учитывающей методологию современной теории речевого жанра, ее уточнение за счет введения исторически обусловленных специфических жанровых признаков и применения к жанровой форме в составе средневекового религиозного текста, обогащает разделы общей теории жанрового моделирования; систематизация уровней и параметров определения специфики субжанра в составе житийного повествования расширяет границы жанрового анализа в части описания жанра и субжанра как повествовательных феноменов; выведение модели чудесного рассказа, сформировавшейся в составе житий преподобных, установление комплекса жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков рассказа о прижизненном чуде времени его образцового оформления способствует целостному представлению о жанровой и языковой специфике житийного жанра,

развивает коммуникативные и дискурсивные описания жанров религиозного, в частности средневекового, дискурса.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории русского литературного языка, истории русской литературы, спецкурсов по исторической стилистике, синхроническому и диахроническому жанроведению, диахронической теории текста, исторической дискурсологии.

Личное участие соискателя заключается в постановке цели и задач исследования, сборе материалов исследования, в разработке методологии и методики исследования, ее реализации на конкретном материале и интерпретации полученных результатов, в обосновании положений, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Образцовая модель чудесного рассказа формируется в составе житий преподобных, поскольку именно для данного лика святости чудотворение является одним из наиболее важных оснований для канонизации и причисления к лику святых. Комплекс жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков рассказа о прижизненном чуде складывается, а жанр оформляется в своем образцовом виде в XV. Признаки формирования жанровой модели: расширение тематического круга, развитие и усложнение стилистики и структуры, выделение повествования о чудесах в главы. Стабильные компоненты модели: система его конститутивных жанровых признаков – семь коммуникативно-прагматических параметров, определяющих композицию и структуру жанра.

2. Рассматриваемая жанровая форма поддается идентификации и комплексному моделированию в результате последовательного применения к ней пятиэтапной исследовательской процедуры, разработанной на основе речезанровых характеристик, признанных в современном жанроведении универсальными (тема, композиция и стиль – по М. М. Бахтину; коммуникативная цель, диктумное содержание и языковое воплощение – по Т. В. Шмелевой; типичное содержание, типичная композиция жанра и языковые и стилистические особенности – по Т. В. Анисимовой), и специфических для исследуемого феномена, обусловленных внутритекстовой коммуникацией (понятие предложено коллективом авторов – А. А. Чувакиным, Е. В. Демидовой и Э. В. Малыгиной) и коммуникативными ролями ее участников (коммуникативно-прагматические параметры, их языковые репрезентации и структурно-содержательные особенности). Коммуникативно-прагматические внутритекстовые параметры: «объект», «ситуация», «субъект», «коммуникация», «чудесное событие», «средство свершения» и «свидетель» чуда – служат идентификации жанровых структурно-семантических и лингвостилистических особенностей и одновременно являются жанрообразующим признаком рассказа о чуде в совокупности с текстовыми, тематическими, композиционными, структурно-содержательными и лингвостилистическими показателями.

3. Рассказ о прижизненном чуде функционирует в составе жития в качестве субжанра, проявляя текстовую, содержательную и прагматическую несамостоятельность; его жанровые интенции в составе агиографии заданы

общей прагматической направленностью житийной литературы. Целевая установка жанра рассказа о прижизненном чуде – формирование у адресата положительного образа святого с целью укрепления его авторитета, воспитание добродетели и предписание праведного образа жизни. На текстовом уровне целевая установка реализована оформлением параметра «коммуникация», в котором агиограф моделировал ситуации общения мирян, иноков и высших сил со святым и представлял коммуникативные интенции участников этого общения, а также развертыванием характеристики святого и «объектов» чуда в направлении соотношения характеристики с видом чуда: положительный образ героя рассказа поощряется спасительным чудом, а отрицательный карается чудом наказующим.

4. Стилистика рассказов о прижизненных чудесах характеризуется идентифицирующими жанр языковыми показателями: формами репрезентации коммуникативно-прагматических параметров (параметр «чудесное событие» является наиболее разнообразным); грамматическими и лексическими показателями времени (передают последовательность событий и подчеркивают их причинно-следственные связи); субъектными и хвалебно-благодарственными формулами и формулами, обрамляющими начало и конец рассказа; сравнением и антитезой как двумя доминантными изобразительными приемами, раскрывающими природу чуда.

5. В житиях преподобных святых, написанных в XVI веке, рассказы о прижизненных чудесах создаются с опорой на ранее выработанную традицию повествования о них: жанр строится по той же коммуникативно-прагматической модели с использованием аналогичных стилистических средств. Отступления от традиции описания прижизненных чудес, установившейся в более ранней агиографии, проявляются на уровне взаимосвязей между видо-тематическими вариантами, структурно-содержательными особенностями и реализациями коммуникативно-прагматических параметров. Стремление к большей содержательно-тематической индивидуализации чудес проявляется в сужении тематического круга прижизненных чудес, выборе для повествования таких их видов, которые позволяют наиболее ярко раскрыть характер подвижничества преподобных святых рассматриваемого исторического периода.

6. В составе житий Христа ради юродивых XV–XVI вв. жанровые признаки прижизненных чудес неизменны, что свидетельствует о стабильности исследуемой жанровой формы в этот период. В житиях юродивых используется лишь часть тем, выделенных на материале преподобнических чудес. Определяющим для данного типа агиографии выступает появление нового вида чуда – пророчества – в качестве дополнительного (вспомогательного) по отношению к другим видам. В более поздних житиях юродивых отступление от модели жанра «рассказ о прижизненном чуде», представленной в преподобнической агиографии, заключается в утрате языковых показателей, эксплицирующих природу чуда, и в переразложении структуры рассказов.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в рамках XLIII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01-26.04.2019, Омск), XLIV региональной студенческой научно-практической

конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01-26.04.2020, Омск), XII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (20-21.05.2022, Томск), XLVII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01.04-15.05.2023, Омск), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований», посвященная памяти проф. Г. Г. Галич (21-23.03.2024, Омск), Международной научно-практической конференции «Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации» (20.07.2024, Саратов).

По теме диссертации издано 8 публикаций, в число которых входят 5 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в том числе относящихся к категории К2.

Соответствие паспорту специальности. Результаты диссертационной работы соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России: п. 2. – «Изучение истории развития и функционирования русского языка, другого языка России: язык литературно-письменных и фольклорных памятников, летописей, хроник и родословных XVII–XIX вв.; проблема периодизации языка; диалектная основа литературно-письменных языков»; п. 8. – «Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные, функциональные, корпусные, лингвокогнитивные, коммуникативно-прагматические, психолингвистические и стилистические исследования русского языка, другого языка России; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой»; п. 11. – «Филологический анализ памятников и текстов на русском языке, на другом языке России».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников фактического материала, списка литературы, включающего 267 наименований, и приложения. Работа содержит 8 таблиц. Общий объем исследования составляет 225 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, определяются объект и предмет изучения, характеризуется эмпирический материал, формулируются цель и задачи, указываются методы и теоретико-методологическая база исследования, излагаются гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 «Теоретико-методологические основы изучения рассказа о прижизненном чуде» посвящена базовым теоретическим положениям исследования, выработке и аргументации его методологии.

Раздел 1.1. «Рассказ о чуде как составная часть жития» посвящен специфике и истории изучения исследуемой жанровой формы. Рассматриваются философские, культурологические, исторические и лингвистические трактовки понятия «чудо», выводится рабочее определение термина. Под чудом понимается

любое явление или событие, имеющее место в мире людей и происходящее для них с определенной целью, которое нарушает всем известные законы природы и оценивается общностью людей как таковое. В качестве теоретически значимого для настоящего диссертационного исследования признается определение природы чуда как коммуникативного акта, данное доктором философских наук С. Н. Астаповым. Освещаются вопросы возникновения и функционирования в русской литературе жанра жития, рассматриваются его разновидности, принципы написания и агиографический канон, способы языкового и стилистического воплощения представлений о святости. Особое внимание уделяется эволюции данного жанра с древних времен и до настоящего времени, характеризуется каждый период трансформации агиографических повествований. Описывается «анфиладность» как свойство ансамблевых жанров, позволяющее выделить в составе житий, наряду с другими жанровыми формами, рассказ о прижизненном чуде.

В разделе рассматриваются также вопросы определения места и роли чудес в житиях. Чудеса, описанные в житийном тексте, являлись свидетельством богоизбранности подвижника. Отмечается преимущественно литературоведческий аспект филологических исследований агиографического чуда. Особое внимание в разделе уделено работе И. В. Стародумова, чья типология посмертных чудес в житиях рассматривается как продуктивная для начального этапа анализа исследуемых прижизненных чудес.

В разделе **1.2. «Методологические основы исследования рассказа о прижизненном чуде в составе житийных текстов»** освещается история развития и современное состояние жанроведения начиная с работы основоположника жанровых исследований М. М. Бахтина. Приводится обобщенная характеристика подходов к определению речевого жанра и направления его изучения в современной лингвистике. В сопоставлении с генристикой подчеркивается методологическая значимость для диссертационного исследования жанроведения – направления, в рамках которого поднимаются и решаются вопросы, актуальные также и для изучения жанров в диахронии (важность коммуникативно-прагматического подхода, обусловленность текстового и языкового воплощения того или иного речевого жанра коммуникативными параметрами). Особое внимание уделено значимым для работы принципам и способам жанрового моделирования, предложенным Т. В. Шмелевой и Т. В. Анисимовой.

Отдельно обсуждается специфика исследований в области диахронического жанроведения: тесная связь исторических жанров с типами стиля (житийным, летописным), выраженная в смысловой структуре, композиции, наборе повествовательных и изобразительных констант. Во многих стилях индивидуальное начало автора отходит на второй план, а сам он подчиняется требованиям и задачам жанра – канону, в соответствии с которым создавались, в частности, житийные тексты. Для выявления и описания специфики исследуемой жанровой формы привлекаются принципы выделения средневековых жанров, обозначенные Д. С. Лихачевым, и классификация религиозных жанров Т. В. Ицкович.

Методологически важным для исследования представляется понятие субжанра. В условиях отсутствия единого мнения относительно субжанра среди современных жанроведов из ряда работ выделены положения, значимые и применимые при описании и квалификации рассказа о чуде: универсальные – «способность субжанров к мимикрии», субжанр – «речевой акт» в «виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции» (в жанре диалога) [Дементьев 2010: 148]; субжанр – речевая единица, утратившая свою функциональную самостоятельность, но способная выступать в составе комплексного жанра [Косицкая 2006: 104]. Применительно к объекту настоящего исследования в доказательство релевантности приведенного понятия субжанра уместно провести аналогию между субжанром как речевым актом и чудом как жанровой формой в составе жития. Несмотря на то что в отдельности рассказ о чуде не представляется возможным назвать равным речевому акту в силу объема, в составе жития, которое содержит набор релевантных интенциям жанра эпизодов из жизни святого, чудо может рассматриваться в качестве речевого акта так же, как реплика является речевым актом в жанре диалога. В составе других комплексных жанров чудеса характеризуются отличной от агиографического чуда спецификой, что согласуется с замечанием В. В. Дементьева о мимикрии субжанра. В то же время чудо как тактика житийного жанра демонстрирует способы взаимодействия святого с мирянами и высшими силами (поощрение и наказание с помощью чуда), формируя представление о богоугодном и небогоугодном. Столь же справедливо по отношению к чудесным рассказам положение о функциональной несамостоятельности субжанра: их изъятие из жития лишит его описания ряда значимых событий в жизни святого, нарушит хронологическую целостность повествования, а также исключит возможность раскрытия такого важного аспекта святости, как прижизненное чудотворение, и обусловленных им коммуникативных интенций жанра. В отличие от чудес посмертных, прижизненные чудеса не дописывались после окончания работы агиографов над житиями и не примыкали к ним, а также не функционировали автономно, отдельно от основного текста, в состав которого входили.

В разделе **1.3. «Коммуникативно-прагматический подход к изучению рассказа о прижизненных чудесах»** раскрывается сущность данного подхода к лингвистическим исследованиям и обосновывается целесообразность его использования при изучении исторических жанров. Ключевой для настоящей работы является идея о том, что в рассказах о прижизненных чудесах смоделированы ситуации общения мирян и иноков со святым, святого с высшими силами, а автор житийной литературы является представителем религиозной институции и выражает соответствующие ей взгляды. В связи с этим представляется возможным и даже закономерным использовать в качестве основы моделирования изучаемого жанра методический прием, позволяющий выявлять коммуникативно-прагматическую специфику на основе коммуникации между персонажами, внутри текста. Понятие внутритекстовой коммуникации предложено в коллективной монографии «Творчество В. М. Шукшина в пространстве коммуникации» под редакцией А. А. Чувакина [Чувакин, Демидова, Малыгина 2015]. Под внутритекстовой коммуникацией авторы понимают,

«во-первых, языко-речевые факты, традиционно рассматриваемые в составе речевого слоя персонажа и / или повествователя <...> и, во-вторых, текстовые репрезентации коммуникативных актов, осуществляемых средствами естественного языка, в том числе и в сопряжении со средствами иных знаковых систем» [Там же: 4]. Применительно к материалу настоящего исследования внутритекстовую коммуникацию следует рассматривать как модель религиозной коммуникации, а отраженные в ней интенции героев – как основу для анализа интенций исследуемой жанровой формы.

В разделе **1.4. «Исследовательская процедура моделирования жанровой формы "рассказ о прижизненном чуде"»** представлена авторская методика выявления и описания жанровых признаков и особенностей рассказов о прижизненном чуде, в которой выделяются этапы тематического, коммуникативно-прагматического, лингвостилистического и структурно-семантического анализа. Комплексное жанровое моделирование чудесных рассказов осуществляется на основе семи внутритекстовых коммуникативно-прагматических параметров. К этим параметрам относятся «объект», «ситуация», «субъект», «чудесное событие», «коммуникация», «средство свершения» и «свидетель» чуда, из них базовыми являются первые четыре.

Глава 2 «Жанровые особенности рассказа о прижизненном чуде в преподобнической агиографии XII–XV вв.» посвящена рассмотрению жанрообразующих признаков прижизненных чудес, выявленных в результате многоаспектного изучения чудесных рассказов в составе житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского (далее также ЖтФП, ЖтСР и ЖтКБ соответственно). В рамках главы проводится тематический, структурно-семантический, жанрово-стилистический и коммуникативно-прагматический анализ текстовых фрагментов, идентифицированных в настоящем исследовании как прижизненные чудеса, входящие в состав образцовых древнерусских и старорусских житий преподобных святых.

В разделе **2.1. «Классификация рассказов о прижизненных чудесах по тематическому основанию»** осуществлен тематический анализ рассматриваемых жанровых единиц на материале трех означенных выше житий. В результате определены тринадцать видов (или тем) прижизненных чудес. Среди них дифференцированы регулярные и единичные виды. Под регулярными понимаются чудеса, повторяющиеся хотя бы в двух житиях из нескольких рассматриваемых: «изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «наказание», «материализация необходимого», «исполнение просимого», «видение», «защита», «благоухание». Единичные виды, представленные четырьмя текстами, встречаются только в одном житии: «крик младенца в утробе», «освоение грамоты», «изведение источника» (ЖтСР), «тушение огня» (ЖтКБ). В *житии Феодосия Печерского* выявлен 21 рассказ о прижизненном чуде. Все чудесные рассказы распределяются по пяти видам: «материализация необходимого» (7), «видение» (7), «изгнание бесов» (3), «наказание» (2), «защита» (2). Феодосий славился своей властью над злыми духами, поэтому в его житии число рассказов об «изгнании бесов» выше, чем в последующих. В *житии Сергия Радонежского* выделено 18 прижизненных чудес одиннадцати видов, среди которых восемь регулярных: «видение» (5),

«исцеление» (2), «наказание» (2), «благоухание» (2), «изгнание бесов» (1), «оживление» (1), «исполнение просимого» (1), «материализация необходимого» (1); три единичных, обозначенные выше. Важно, что в этом житии «объектами» чудотворения намного чаще (в сравнении с ЖтФП) становятся миряне или церковные служители, не связанные с Троице-Сергиевой лаврой, а чудеса происходят как монастыре, так и за его пределами, в отдалении.

В *житии Кирилла Белозерского* выделен 31 рассказ о прижизненном чуде. Среди них представлены рассказы всех девяти регулярных тем, а также один единичный рассказ – в общей сложности десять тем: «исцеление» (9), «видение» (5), «исполнение просимого» (4), «материализация необходимого» (4), «защита» (4), «изгнание бесов» (1), «оживление» (1), «наказание» (1), «благоухание» (1) и «тушение огня» (1).

В разделе **2.2. «Анализ жанровой природы рассказов о прижизненном чуде на основе коммуникативно-прагматических параметров»** более подробно раскрывается содержание обозначенных в первой главе коммуникативно-прагматических параметров изучаемого субжанра, а также проводится анализ чудесных рассказов на основе указанных семи параметров с развернутой характеристикой каждого из них.

1. **«Объектом»** выступает тот или то, в отношении кого или чего происходит чудо. В ходе анализа выделены четыре типа «объекта»: человек, вещество (или предмет), населенное замкнутое пространство, стихия. Тип «объекта» зависит от тематики рассказа и в некоторых видах чудес может быть двойным. В рамках параметра «объект» рассматривается также его посредник, который вместо «объекта» обращается к «субъекту» за помощью в случае, если первый является неодушевленным или недееспособным. «Объект» оказывается в ситуации, которая требует вмешательства высших сил или делает его возможным. В отношении «объекта» свершается чудесное событие, в результате которого либо происходит изменение в состоянии «объекта»: 1) качественное («изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «наказание», «исполнение просимого»), 2) количественное («материализация необходимого»); либо «объект» оказывается вовлеченным в некоторое темпорально ограниченное явление, становясь субъектом его чувственного восприятия («видение», «защита», «благоухание»).

2. Параметр **«ситуация»** в рамках настоящего исследования понимается как совокупность условий и обстоятельств, в которых оказывается «объект», вызывающих вмешательство высших сил в материальный мир. «Ситуации» подразделяются на проблемные и непроблемные, что обуславливает вид вызываемого ими чуда, или же – что также справедливо – тема чудесного рассказа подразумевает конкретный тип этого параметра. Так, например, для «материализации необходимого», «исцелений», «наказаний» характерна проблемная «ситуация» – она получает разрешение в «чудесном событии», а «видениям» и «благоуханию» свойственна непроблемная «ситуация» – она формирует благоприятные условия для проявления высших сил в мире людей. Для проблемной «ситуации» выделяется три типа: проблема, возникающая естественным образом (по независимым от «объекта» причинам); проблема,

возникающая из-за противоречия (когда действия противоречат намерениям или традиции); проблема от безверия.

3. **«Субъект»** обозначает того, по чьей воле или благодаря чьим усилиям происходит чудо. «Субъектом» могут быть высшие силы – Бог, Богородица, ангелы – или, по благословению свыше, святой. Параметр характеризуется «ролевыми» коммуникативно-прагматическими индикаторами: «субъект» – это тот, 1) к кому обращаются за помощью в рассказах с проблемной «ситуацией»; 2) кто совершает необходимые для чуда действия или передает нуждающемуся «объекту» средства для этого; 3) кто явился в видении; 4) кто отмечается в хвалебно-благодарственных формулах. Кроме того, жанрово-стилистическими индикаторами параметра являются субъектные языковые формулы.

Параметр «субъект» представлен двумя типами, в каждом из которых выделяется по два подтипа: 1) святой – а) непосредственно святой; б) святой с божьей помощью; 2) высшие силы – а) исключительно высшие силы, б) высшие силы при косвенном участии святого.

Для определенных тематических видов чудес возможен конкретный тип «субъекта». Так, «видения», «наказания» и «благоухание» осуществляются исключительно высшими силами. В житиях, в состав которых входит большое количество указанных тематических видов, роль святого в прижизненном чудотворении ниже, чем в житиях, отличающихся большим видовым разнообразием чудес. Отмеченный в ходе тематического анализа постепенный рост числа чудес, творимых святым, подтверждает, что к концу XV в. агиографы не только освоили данную жанровую форму, но и смогли творчески ее переосмыслить и развить в качестве образца.

4. **«Чудесное событие», или собственно «чудо»,** предстает как событие сверхъестественного порядка, разрешающее проблемную «ситуацию» («положительное», или прямое, чудо); возникающее в непроблемной «ситуации» («нейтральное» чудо («видение» и «благоухание»)); создающее проблемную «ситуацию» для «объекта» или его обладателя («отрицательное», или обратное, чудо («наказание» и «защита»)). «Чудесные события» можно описать и классифицировать по их качеству (события, явления, знамения), характеру (преобразовательное, коммуникативное, демонстративное), функции (помощь в разрешении или избежании проблемной «ситуации», сообщение информации и побуждение к действию, указание на богоугодное или небогоугодное), а также по условиям их свершения (с участием / без участия святого, однократное / многократное / стадийное, происходящее в сфере реального / ментального / иррационального).

Рассмотренный жанровый параметр характеризуется наибольшей вариативностью реализаций и репрезентирующих их языковых средств, что обусловлено видо-тематической классификацией прижизненных чудес.

5. В параметре **«коммуникация»** выделяются два вида: предчудесная и постчудесная. Они различаются не только на основании их временного следования, но и в связи с их целью: в предчудесной «коммуникации» герой рассказа обращается к другому персонажу, чтобы побудить его к целевому действию, обусловленному видом чуда; в постчудесной «коммуникации»

обращение героя направлено на сообщение об увиденном чуде и его последствиях.

Кроме того, различается «коммуникация» иницирующая и ответная: первая исходит от инициатора общения (как от «объекта», так и от «субъекта») и может вызвать ответную или же побудить адресата к действию – осуществлению просимого. Как правило, адресантом ответной «коммуникации» выступает только «субъект».

По своей природе «коммуникация» в чудесном рассказе может быть вербальной и невербальной. Вербальная «коммуникация» характерна для большинства рассказов с предчудесной «коммуникацией»: «объект» обращается к «субъекту» (или наоборот) в словесной форме. Невербальная иницирующая «коммуникация» исходит только от «объекта» и встречается в текстах, «субъектом» в которых является святой, при этом святой понимает намерение, с которым к нему обращается «объект» или посредник, по его поведению или благодаря дару провидения.

6. Содержание параметра **«средство свершения»** чуда определяется спецификой «субъекта»: если «субъектом» является святой, то в качестве «средства свершения» чуда выступают предметы (крест), вещества (святая вода, просфора), словесные формулы (молитва, обещание), жесты (крестное знамение), ритуалы (молебен); если «субъектом» выступают высшие силы, то «средством» предстает другое чудо или человек.

7. В рамках исследования параметр **«свидетель»** подразумевает человека, оценивающего «чудесное событие» как выходящее за грани возможного в его восприятии, следовательно, признающего его именно чудом. «Свидетель» эксплицирован в тексте в виде указания на то, кто наблюдал чудо и в каком состоянии он пребывал по его свершении (удивление, страх). «Свидетель» может совпадать с «объектом» и/или «субъектом», им может являться посредник, а также группа людей. В последнем случае – при массовых видениях – данный параметр выражен имплицитно.

Для тематических видов рассказов характерна вариативность комбинаций жанровых параметров, их композиционных и языковых репрезентаций. Исследование прижизненных чудес в составе житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского позволило сформировать девять видо-тематических моделей рассказа, которые в каждом конкретном тексте характеризуются вариативными тематическими реализациями.

В разделе **2.3. «Композиционно-смысловая структура рассказа о прижизненном чуде»** рассмотрены типы структуры рассказов, обусловленных реализациями параметра «ситуация». В соответствии с выделенными двумя типами «ситуации» – проблемной и неproblemной – различаются два типа структуры чудесных рассказов.

В структуре рассказа с проблемной «ситуацией» выделяется до пяти смысловых компонентов, что коррелирует с композицией любого нарратива: 1) исходная точка, в которой обозначается «объект» и задается «ситуация»; 2) обращение «объекта» к «субъекту» с просьбой – предчудесная «коммуникация»; 3) собственно «чудесное событие»; 4) описание постчудесных

событий и состояний; 5) завершение рассказа, формульные составляющие. В зависимости от степени развернутости реализаций и языковых репрезентаций параметров части могут объединяться: проблемная «ситуация» и «объект» обозначаются в «коммуникации». В этом случае количество частей в структуре рассказа сокращается. В зависимости от тематики и содержания такие рассказы могут иметь трех-, четырех- или пятикомпонентную структуру.

Структура рассказов с непроблемной «ситуацией» представлена тремя частями: 1) исходная точка рассказа, в которой обозначается «объект» и «ситуация» – время, место, а также то, что происходит в данный момент; 2) «чудесное событие»: видение, благоухание или крик младенца; 3) обозначение «свидетеля» и его реакции на чудо, постчудесные события, завершающие рассказ, а также формульные составляющие.

Структура рассказов непосредственно связана с их размером: чем полнее и сложнее структура рассказа, тем он объемнее. В связи с этим чудесные рассказы ранжированы в настоящей работе по вербальному наполнению: короткие – до 100 слов; средние – от 100 до 300 слов; объемные – от 300 до 600 слов; гиперобъемные – более 600 слов. Определение размера рассказов позволяет охарактеризовать их также по структурно-семантическому принципу, на основе которого выделяются четыре типа: элементарные, простые, осложненные и комплексные.

Рассказы о прижизненных чудесах разных видов представлены в тексте жития изолированно либо следуют друг за другом, выделяясь в главы или же соседствуя непосредственно. Так, определены три типа текстовых единиц в зависимости от порядка их следования в тексте жития и комбинирования в рамках одного рассказа: 1) моночудесные рассказы – изолированные, повествующие об одном чудесном событии; 2) поличудесные рассказы, повествующие о ряде чудесных событий; 3) выделяемые в поличудесных рассказах самостоятельные, второстепенные, побочные и вспомогательные чудеса.

Раздел **2.4. «Жанрово-стилистические особенности прижизненных чудес»** посвящен характеристике языковых репрезентаций коммуникативно-прагматических компонентов жанра, формульных составляющих с их языковыми репрезентантами, позволяющей идентифицировать рассказы в составе житий, и выразительно-изобразительных средств языка, воплощающих сущностную природу чуда и идею о нем.

В пункте **2.4.1. «Языковая репрезентация коммуникативно-прагматических компонентов в тексте рассказа о прижизненном чуде»** отражены типовые текстовые воплощения параметров «объект», «субъект», «ситуация», «чудесное событие», «коммуникация», «средство свершения» и «свидетель» чуда. Особое внимание уделяется первичным и вторичным номинациям «объектов» и «субъектов» разных типов. В связи с «субъектом» рассмотрены способы прямого и косвенного его обозначения. Прямая номинация «субъекта» представлена в конструкциях, где он является грамматическим субъектом всего предложения или оборота «дательный самостоятельный». При косвенном обозначении используются хвалебно-благодарственные формулы: *славяща и благодаряща Бога* [ЖтФП: 400]; *помя и славя Бога и Пречистую Его*

Матерь и святому Кирилу велие благодарение въздая [ЖтКБ: 148]; а также субъектные формулы, сочетающие в себе инструментатив и генетив: *молитвами преподобнааго имъ отьца и наставьника Феодосия* [ЖтФП: 410]; *молитвами святого Сергия* [ЖтСР: 360]; *благодатию Христовою и помощию Владычица наша Богородица, споспѣшествующе молитвы святого Кирила и от него принесеннаго хлѣба вкушениемъ* [ЖтКБ: 172]. В таких формулах также репрезентирован параметр «средство свершения» чуда. Из них к наиболее устойчивым относятся хвалебно-благодарственные и субъектные формулы. Они служат формальными границами рассказа о прижизненном чуде, сигнализируя о его завершении и начале следующего. Наличие таких формул характерно исключительно для рассказов о чудесах (в основной повествовательной части жития не обнаружены).

Репрезентация параметра «чудо» представлена широким и наиболее вариативным репертуаром формульных единиц: языковые средства зависят от вида чуда, задающего определенные типовые реализации и репрезентации рассматриваемого жанрового параметра. При этом для всех рассказов значимым является момент совершения чуда вне зависимости от его вида. По этой причине во всех рассказах при описании «чудесного события» содержатся временные и причинно-следственные показатели, выраженные наречиями *абие* и *внезапу*, оборотом «дательный самостоятельный» и придаточными соответствующего типа.

Коммуникативно-прагматические параметры отражаются также в заглавиях рассказов в случае их выделения в главы. В агиографии XII–XV вв. заглавия представлены в житиях Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Обнаружены заглавия двух структурных типов: 1) «о ком-то/чем-то»: «*О исцѣльвшемъ мужи молитвами святого Сергия*», «*О боляринѣ Феодорѣ, иже хотяше пакость сътворити святому*», «*О поставлении церкви Пресвятыя Владычица наша Богородица, честнаго ея Успения*» и др.; 2) заглавие содержит номинацию чуда (только в ЖтКБ): «*Чудо святого о церковномъ винѣ*», «*Чудо о слѣпой женѣ*», «*Ино чудо*». В заглавиях рассказов о прижизненных чудесах воплощаются такие коммуникативно-прагматические параметры исследуемой жанровой формы, как «объект», «субъект», «ситуация» и «чудесное событие», «средство свершения» и даже цель «коммуникации». Однако формулировка заголовка рассказа не всегда прямо отражает его жанровую и тематическую отнесенность.

В пункте **2.4.2. «Жанровая структура рассказа о прижизненном чуде: формуляр»** описаны типовые начальные и конечные формулы чудесных рассказов. В начальных формулах обозначаются: локализация во времени; локализация в пространстве; обозначение «объекта» или посредника; некоторое обстоятельство; свидетельство о чуде; сведения о его источнике-рассказчике. Конечный формуляр рассказов о прижизненных чудесах представлен хвалебно-благодарственными формулами; субъектными формулами; результатом чуда; следствием чуда; описанием состояния «объекта» чуда или другого героя; свидетельством о чуде; сведениями о его источнике-рассказчике.

Пункт **2.4.3. «Базовые стилистические средства и приемы репрезентации чуда»** посвящен средствам художественной выразительности, передающим

сущностную природу чуда, а именно сравнению и антитезе. Сравнения позволяют описать то, что не имеет конкретной материальной формы или закрепленного в узусе названия; то, что по своей интенсивности приближается к некому идеалу или превосходит его; то, что не является свойственным объекту: *устрьмишиася на ня, акы звѣрие диви* [ЖтФП: 400], *и отпадоша яко чешуа от очию его, абие прозрѣ* [ЖтСР: 382], *и гласом онѣм, яко перстом, показаше мѣсто то* [ЖтКБ: 148]. Важным свойством чуда является противоречивость, происходящая от противопоставления должного и наличествующего: то, что случилось, невозможно, потому что так быть не должно, однако оно есть. В тексте это свойство воплощается за счет антитезы как средства столкновения противоречащих друг другу обстоятельств, при этом должное может подразумеваться, оставаться неэксплицитированным: *Тѣгда же тѣ разумѣвъ, яко явление от Бога бысть ему, не бо его видѣ двѣрми излѣзъша, ни пакы двѣрми влѣзъша, нѣ на немъже мѣстѣ явивъся, на томъ же пакы и невидимъ бысть* [ЖтФП: 398]; *Жены же рѣша к ней: «До како дасться глас прежде рожения младенцу, въ утробѣ сушу?»* [ЖтСР: 264]; *Но сиа ушесы слышаху, и очима же ничтоже можяху видѣти* [ЖтКБ: 150]; *древодѣлники, никымъ же позвани быша, приидоша* [ЖтКБ: 154].

В результате комплексного исследования рассказов о прижизненных чудесах сделан вывод об образцовом характере обсуждаемой жанровой формы в преподобнической агиографии XII–XV вв. При этом установлено, что хронологически в рассказах о прижизненных чудесах происходит усложнение видо-тематического разнообразия и содержательной структуры, возрастает количество текстов, в которых «субъектом» чуда становится сам святой, чудеса выделяются в главы и получают заглавия. Это свидетельствует о развитии данного субжанра в составе житий преподобных святых в период XII–XV вв. на тематическом, структурно-семантическом, композиционном, коммуникативно-прагматическом и лингвостилистическом уровнях.

Глава 3 «Особенности проявления образца рассказа о прижизненном чуде в агиографии XVI–XXI вв.» посвящена рассмотрению динамики жанровых признаков рассказов о прижизненных чудесах в составе житий преподобных святых XVI в. и житий юродивых святых XVI–XXI вв.

Предметом изучения в разделе **3.1. «Рассказ о прижизненном чуде в составе преподобнических житий XVI в.»** являются изменения в проявлении жанровых признаков прижизненных чудес в составе житий преподобных святых Пафнутия Боровского и Александра Свирского (далее также ЖтПБ и ЖтАС соответственно). В *житии Пафнутия Боровского* отмечается сокращение тематического репертуара рассказов, выделен 21 рассказ о прижизненных чудесах шести видов: «исцеление» (8), «изгнание бесов» (4), «видение» (4), «наказание» (3), «защита» (1), «материализация необходимого» (1). Наблюдается отступление от сложившейся ранее традиции в воплощении коммуникативно-прагматических параметров и тематики. В одном случае отмечается смешение видов чудес – «исцеления» и «изгнания бесов». Рассказы последнего вида утрачивают ряд содержательных признаков, свойственных ему в более ранние периоды.

«Видения» в ЖтПБ меняют свою коммуникативную цель: если в житиях XII–XV вв. с помощью «видений» «объекту» чуда сообщалось, за редким исключением, только о благостных обстоятельствах, то в данном агиографическом памятнике самостоятельные «видения» явлены «объекту» с целью обнажить неблагоприятные обстоятельства. Два из четырех «видений» имеют демоническую природу. В житии Пафнутия выделяются также рассказы о провидении, однако отсутствие ряда жанровых признаков чудесных рассказов не позволяет квалифицировать их как чудесные.

В силу строгости подвижничества и ограниченной тематики чудесных рассказов описания чудес в ЖтПБ не изобилуют изобразительными средствами языка, свойственными в большей степени тематическому виду «видение». Из стилистических приемов, характерных для исследуемой жанровой формы, в ЖтПБ можно отметить сравнения при обозначении неизмеримого и непривычного.

Антитеза как художественно-изобразительный прием, столь же существенный в плане раскрытия природы чудесного, встречается в рассматриваемом житии намного реже. Объяснение этому обнаруживается в том, что чудеса в ЖтПБ случаются по большей части не для помощи нуждающимся праведникам, а из-за прегрешений тех, кто ведет небогоугодный образ жизни. В этом случае причины случившегося всегда ясны – чудесное событие, нарушающее законы естества, не ввергает его свидетелей в трепетное состояние и расценивается как закономерное для данной ситуации. Подобная оценка объясняет и то, что в рассказах в рамках параметра «коммуникация» по большей части представлены не просьбы нуждающегося в помощи, а поучения, наставления, ободрения «объектов» чуда святым, а также обличительные речи Пафнутия, обладавшего даром провидения и прозревавшего намерения приходивших к нему за помощью или с раскаянием. Последним обстоятельством объясняется также то, что в ряде рассказов с проблемной «ситуацией» систематически опускается одна из структурных частей – предчудесная «коммуникация», в которой обычно нуждающийся выражает просьбу о помощи.

Специфичным для данного жития и новыми для жанра «рассказ о прижизненном чуде» является завершение повествования хвалебными характеристиками святого и поучениями.

В *житии Александра Свирского* содержится 21 рассказ о прижизненных чудесах шести видов: «видение» (13), «исполнение просимого» (3), «материализация необходимого» (2), «исцеление» (1), «изгнание бесов» (1), «освоение грамоты» (1) – повтор этого вида чуда, ранее отмечавшегося только в ЖтСР, позволяет ввести «освоение грамоты» в разряд регулярных тематических видов. В данном житии также наблюдаются отступления от сложившейся на предыдущем этапе развития агиографии традиции.

Структурно-композиционной особенностью «видений» в ЖтАС становится то, что пережитое «объектом» чудо сначала подробно описывается, а в конце рассказа резюмируется им же в виде пересказа в рамках постчудесной «коммуникации». В данном житии обнаруживается новый подвид «видений» – явление ангела-проводника.

Специфичным для содержания рассказов о прижизненных чудесах в составе ЖтАС выступает пространственно-временная динамика, смена хронотопов и повествователей. Рассказы о чудесах насыщены изобразительными средствами, в их описании закономерно превалируют сравнения.

В большинстве рассказов с проблемной «ситуацией» вербализуется идея о том, что для получения желаемого или необходимого нужно не столько полагаться на чудо, сколько быть богопослушным, трудиться духовно, физически и во благо братии и мирян. В сравнении с другими рассмотренными житиями в ЖтАС чудесное разрешение не удовлетворяющих «объекта» обстоятельств становится второстепенным, оно происходит лишь благодаря смирению и покаянию героев, готовых к принятию своей судьбы. Эта особенность сопровождается полным отсутствием в житии рассказов о «наказании» и «защите», в которых чаще, чем в других тематических видах, репрезентируются образы грешников.

Особое внимание в ЖтАС уделено коммуникативным взаимодействиям «объекта», «субъекта» и «свидетеля» чуда. При этом реализация параметра «коммуникация» переплетается с реализацией параметра «чудесное событие»; репрезентация последнего занимает значительную часть текста и воплощается с помощью комплекса разнообразных языковых средств, не поддающихся формуляризации.

Общим лингвостилистическим признаком для обоих житий выступает появление субъектной формулы нового типа: *по пророчеству святого*. Эта формула приходит на смену формуле *по словеси святого*, представленной в житиях, рассмотренных в предыдущей главе.

В ЖтПБ и ЖтАС усиливается тенденция к рубрикации текста, чудесные рассказы выделяются в главы и сопровождаются заглавиями, однако встречаются рассказы и без них. В заглавиях обозначаются жанр и тематика, реализуются параметры «субъект», «объект» и «средство свершения» чуда: «*Чудо святого о Діонисіи иконникъ*», «*О татехъ крадишихъ волю*», «*Видѣніе старца Еуфимія о двою брату*», «*О исцѣльніи ока молитвами святого*» и др.

В разделе **3.2. «Прижизненные чудеса в составе житий Христа ради юродивых»** рассматриваются проявление и динамика жанровых признаков рассказа о прижизненных чудесах в житиях юродивых Михаила Клопского, Василия и Иоанна Блаженных, а также в современном жизнеописании Ксении Петербургской (далее также ЖтМК, ЖтВБ, ЖтИБ и ЖтКП соответственно).

Примечательно, что чудотворение, не входя в круг обязательных признаков святости юродивых, тем не менее включено во многие агиографические тексты о них, а в совокупности с другими характеристиками этого типа житий определяет ряд особенностей в тематике и реализации жанровых признаков чудесных рассказов.

Для изучения рассказов о прижизненных чудесах в составе жития Михаила Клопского к сопоставительному изучению привлечены Первая (А) и Тучковская редакция, однако основное внимание уделяется второму тексту как варианту, литературно обработанному и соответствующему агиографической традиции в части отражения событий, воплощения героев и жанрово-стилистического своеобразия.

В состав Тучковской редакции *жития Михаила Клопского* входит девять прижизненных чудес: «наказание» (4), «исцеление» (2), «изведение источника» (1), «материализация необходимого» (1), «исполнение просимого» (1). В эпизоде о благоухании в момент смерти святого данное явление представлено не в качестве чудесного события, а в виде факта – отсутствуют лингвистические показатели внезапности чудесного события. Характерной чертой юродивых является прозорливость: в тексте жития, кроме рассказов о прижизненных чудесах, встречаются фрагменты, озаглавленные как пророчества. Однако в ряде текстов чудеса случаются благодаря пророчествам. Проведенный с целью дифференциации рассказов о чудесах и пророчеств коммуникативно-прагматический и содержательный анализ текстов позволил заключить: чудесными рассказами являются фрагменты житий, в которых подтверждение провидческой речи юродивого происходит сразу вслед за ней или по прошествии малого времени при жизни святого, а также получает более объемное вербальное воплощение, нежели само предсказание. Как правило, такие рассказы относятся к «наказаниям». Пророческая речь в них сопоставима с обещанием святого в рассказах о «материализации необходимого», однако, в отличие от обещания, пророчество нельзя назвать «средством свершения» чуда. Показательно, что эпизоды, которые в Легендарной редакции озаглавлены как чудеса, под пером образованного книжника Тучкова, создавшего минейную редакцию, лишились этого статуса, поскольку концептуально не соответствовали ему.

Отличительной чертой чудес в Тучковской редакции ЖтМК в сравнении с преподобническими чудесами является роль святого в чудотворении и коммуникации с другими героями. Если преподобный в определенный момент сам становится игуменом монастыря и совмещает в себе роли чудотворца и отца братии, являясь для иноков опорой и нравственным ориентиром, то в житии Михаила Клопского эти роли распределяются между святым и игуменом Феодосием. При этом святой становится «субъектом» чуда в четырех из девяти рассказов. Святой в качестве «субъекта» эксплицирован как с помощью грамматического субъекта предложений, так и в хвалебно-благодарственных и субъектных формулах, а высшие силы – преимущественно вторым способом. Для чудес юродивых характерен еще один способ словесного оформления субъектной формулы – включение в состав датива и генетива (в роли посессива): *по пророчеству святаго*. Примечательно, что в ЖтМК святой не становится «объектом» чудес, он только совершает их или о них предупреждает.

В *житиях Василия Блаженного и Иоанна Блаженного*, изданных во второй половине XIX века, количество чудес заметно сокращается. В ЖтВБ выявлено 6 рассказов о прижизненных чудесах пяти видов: «наказание» (2), «исцеление» (1), «исполнение просимого» (1), «видение» (1) и «тушение огня» (1), ранее отмеченное только в житии Кирилла Белозерского. Наиболее соответствующим жанровому образцу прижизненного чуда в композиционном и коммуникативно-прагматическом планах оказывается «видение». В чудесных рассказах события представляются довольно буднично, фактологически: чудо не ввергает никого в ужас или восторг, оно не оценивается как явление, нарушающее законы естества, а констатируется как свидетельство очевидцев.

В ЖТИБ обнаружен лишь 1 чудесный рассказ – об «исцелении». Он примечателен тем, что «коммуникация» и чудо инициируются самим святым, без запроса «объекта», а также тем, что в качестве «средства свершения» чуда выступает испытание – специфичная именно для «исцелений», но редкая для данного параметра реализация.

Репрезентация параметра «чудесное событие» в рассказах отличается простотой и неизощренностью языковых средств (*дунувши на ея глаза; мертвь на самомь дгль*). При этом рассказы лишены субъектных и хвалебно-благодарственных формул, что свидетельствует об упрощении стилистики субжанра и сокращении способов репрезентации коммуникативно-прагматических параметров и выразительных средств воплощения природы чудесного. В языке и стиле рассказов, как и в целом в тексте житий, отражается смешение русских и церковнославянских средств выражения. Специфическими языковыми средствами являются разговорные слова и конструкции (*пробъжалъ по ргькъ; Не кипятись, Иванушка*).

Чудесное пророчество – единственный вид прижизненных чудес, который встречается в *житии Ксении Петербургской*. В нем выявлены два текста, вынесенные в раздел «Рассказы о чудесах». Однако события в этих рассказах не представляются как чудеса. Структурное и компонентное сопоставление их с прижизненными чудесами преподобных сделало очевидным, что даже при наличии эксплицированной проблемной «ситуации», «объект» не только не сообщает «субъекту» о своей потребности, но даже не имеет намерения просить его о помощи, следовательно, «субъект» не совершает никаких ритуальных действий, не использует «средства свершения» чуда и не производит его вовсе. Параметр «чудесное событие» лишен реализации, т. к. чудо не происходит, ничто не нарушает естественного хода событий. События в этих рассказах описаны фактологически, бытовым языком, без противоречий логике и природному началу.

Таким образом, рассказы о прижизненных чудесах юродивых обнаруживают динамику ряда жанровых признаков, обусловленную изменением типа святости. Так, отмечается ограниченный круг тематических разновидностей чудес: наиболее часто воспроизводятся «исцеления», «наказания» и «исполнения просимого», реже – рассказы о «материализации необходимого», «изведении источника», «тушении огня». Специфическим для юродивых оказывается чудесное «пророчество», выступающее в качестве вспомогательного чуда при «наказании» или исполнении желаемого, последнее не является разновидностью чудесного рассказа в его традиционном виде и отражает трансформацию исследуемой жанровой формы. «Видение» и «благоухание» вытесняются на периферию жанра и выступают только в качестве вспомогательных для других чудес. С точки зрения стилистики чуда юродивых характеризуются постепенным сокращением числа изобразительно-выразительных средств, раскрывающих природу чуда, что согласуется с общим стремлением жанра рассказа о прижизненном чуде и житийного жанра в целом к большей фактологичности и достоверности.

Лингвистические, социально-исторические и мировоззренческие изменения, отмечающиеся в период с XII по XXI вв., отразились в развитии и преобразовании

жанра «рассказ о прижизненном чуде», который с течением времени переходит от мифологического изображения чуда к фактологическому. Этот постепенный процесс проявляется в сокращении используемых агиографами тематических разновидностей прижизненных чудес, упрощении структуры рассказов, «обмирщении» их содержательных особенностей, угасании лингвостилистического разнообразия воплощаемых коммуникативно-прагматических признаков жанра.

В **Заключении** обобщены результаты настоящего исследования и намечены его возможные перспективы.

В **Приложении** представлены девять коммуникативно-прагматических моделей рассказов о прижизненных чудесах.

По теме исследования опубликовано 8 научных статей.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Рогожникова Т. П., Хоменко М. В. Жанр прижизненного чуда в русской агиографии: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. №1 (26). С. 74–77.

2. Рогожникова Т. П., Хоменко М. В. Репрезентация «субъекта» как жанрового признака прижизненного чуда (на материале древнерусской и старорусской агиографии) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 130–135.

3. Рогожникова Т. П., Хоменко М. В. Специфика жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе житий русских юродивых // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 78–83.

4. Хоменко М. В. Жанрово-стилистические признаки рассказа о прижизненном чуде (на материале русских житий) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (41). С. 116–120.

5. Хоменко М. В. Рассказы о прижизненных чудесах в составе жития Пафнутия Боровского: общая жанровая характеристика // Русский лингвистический бюллетень. 2024. № 1 (49). DOI 10.18454/RULB.2024.49.30.

Статьи в других научных изданиях:

6. Хоменко М. В. Жанровое своеобразие прижизненного чуда (на материале древнерусской и старорусской агиографии) // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей / отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 1126–1130.

7. Хоменко М. В. Жанры прижизненного и посмертного чуда: к проблеме дифференциации // Молодёжь третьего тысячелетия: сб. науч. статей / отв. ред. П. В. Прудников. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 195–199.

8. Хоменко М. В. Структура рассказов о прижизненных чудесах святых: коммуникативно-прагматический анализ // Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции, Томск, 20–21 мая 2022 года. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2022. С. 12–17.